

«НЕ ПЫЛИТ ДОРОГА, НЕ ДРОЖАТ ЛИСТЫ...»

XVII–XVIII века называют, по установившейся традиции, Новым временем. Отошел в историю Ренессанс, эпоха романтиков была еще впереди, а в повседневной жизни владычествовал капитализм, показывая свой звериный нрав. Поэзия, особенно лирическая, поутихла, зато проснулись гражданские мотивы.

Совсем недавно, в минувшем году, мир отмечал 275-летие величайшего поэта Германии Иоганна Вольфганга Гёте, а также юбилей его друга, еще одного гения немецкого народа Фридриха Шиллера. В эту эпоху во Франции жили и творили Никола Булао и Жан Расин, в Великобритании Джон Донн и Роберт Бёрнс, в Японии возшла звезда Мацуо Басё, а в России удостоились громкого признания зачинатели современной русской литературы Михайло Ломоносов и Гаврила Державин. В Украине витийствовал бродячий поэт и философ Григорий Сковорода, который меткой строкой – «мир ловил меня, но не поймал» – выразил суть отношения личности и наступившего жестокого времени. А в раздольной степи от Волги до Тянь-Шаньских гор произошло становление и укрепление Казахского ханства, где самым ярким выразителем идей эпохи был великий жырау – Бухар...

Иоганн Вольфганг ГЁТЕ

(1749–1832)

Ночная песнь странника

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;

Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Перевод Михаила Лермонтова

Иоганн Генрих Тшшбеин. Портрет Гёте в Кампаны

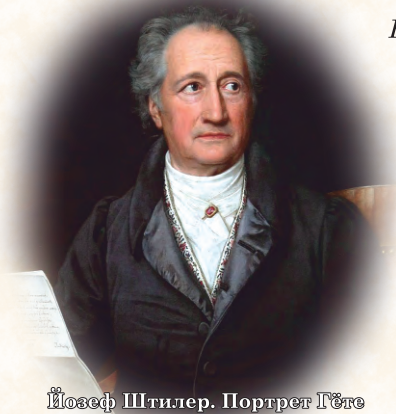
Новая любовь – новая жизнь

Сердце, сердце, что случилось,
Что смутило жизнь твою?
Жизнью новой ты забилося,
Я тебя не узнаю.
Всё прошло, чем ты пылало,
Что любило и желало,
Весь покой, любовь к труду, –
Как попало ты в беду?

Беспредельной, мощной силой
Этой юной красоты,
Этой женственностью милой
Пленено до гроба ты.
И возможна ли измена?
Как бежать, уйти из плена,
Волю, крылья обрести?
К ней приводят все пути.

Ах, смотрите, ах, спасите, –
Вкруг плутовки, сам не свой,
На чудесной, тонкой нити
Я пляшу, едва живой.
Жить в плену, в волшебной клетке,
Быть под башмачком кокетки, –
Как такой позор снести?
Ах, пусть, любовь, пусть!

*Перевод
Вильгельма
Левика*

Йозеф Штилер. Портрет Гёте

Свидание и разлука

Душа в огне, нет силы боле,
Скорей в седло и на простор!
Уж вечер плыл, лаская поле,
Висела ночь у края гор.
Уже стоял, одетый мраком,
Огромный дуб, встречая нас;
И тьма, гнездясь по буеракам,
Смотрела сотней чёрных глаз.

Исполнен сладостной печали,
Светился в тучах лик луны,
Крылами ветры помавали,
Зловещих шорохов полны.
Толпою чудищ ночь глядела,
Но сердце пело, нёсся конь,
Какая жизнь во мне кипела,
Какой во мне пылал огонь!

В моих мечтах лишь ты носилась,
Твой взор так сладостно горел,
Что вся душа к тебе стремилась
И каждый вздох к тебе летел.
И вот конец моей дороги,
И ты, овеяна весной,
Опять со мной! Со мной! О боги!
Чем заслужил я рай земной?

Но – ах!– лишь утро засияло,
Угасли милые черты.
О, как меня ты целовала,
С какой тоской смотрела ты!
Я встал, душа рвалась на части,
И ты одна осталась вновь...
И всё ж любить – какое счастье!
Какой восторг – твоя любовь!

Перевод Николая Заболоцкого

Прекрасная ночь

Покидаю домик скромный,
Где моей любимой кров.
Тихим шагом в лес огромный
Я вхожу под сень дубов.

Прорвалась луна сквозь чащи:
Прощумел зефир ночной,
И, склоняясь, льют всё слаще
Ей березы ладан свой.

Я блаженно пью прохладу
Летней сумрачной ночи!
Что душе даёт отраду,
Тихо чувствуй и молчи.

Страсть сама почти невнятна.
Но и тысячу ночей
Дам таких я безвозвратно
За одну с красой моей.

*Перевод
Александра Кочеткова*

Фридрих ШИЛЛЕР

(1759–1805)

Величие мира

Над бездной возникших из мрака миров
Несётся челнок мой на крыльях ветров.
Проплывши пучину,
Свой якорь закину,
Где жизни дыхание спит,
Где грань мироздания стоит.

Я видел: звезда за звездой встаёт –
Свершать вековечный, размеренный ход.
Вот к цели, играя,
Несутся... Блуждая,
Окрест обращается взор
И видит – беззвёздный простор!

И вихря и света быстрее мой полёт.
Отважнее! в область хаоса! вперёд!
Но тучей туманной
По тверди пространной
Ладье дерзновенной вослед
Клубятся системы планет.

И вижу – пловец мне навстречу спешит.
«О странник! куда и зачем ты?» – кричит.
«Проплывши пучину,
Свой якорь закину,
Где жизни дыхание спит,
Где грань мироздания стоит!»

«Вотще! беспредельны пути пред тобой!» –
«Межи не оставил и я за собой!..»
Напрасны усилья!
Орлиные крылья,
Пытливая мысль, опускай
И якорь, смиряясь, бросай!

Перевод Михаила Михайлова

Жалоба девушки

Дубы расшумелись,
И туча летит,
В траве над водою
Пастушка сидит.
У ног её плещет волна, волна.
И во мраке печально вздыхает она,
Ей взоры слеза затемнила.
«И сердце разбито,
И пуст весь свет,
И больше желаний
Не будет и нет.
Позвать свою дочь, богоматерь, вели,
Уже я изведала счастье земли,
Уже отжила, отлюбила».
«Бессильные слёзы,
Напрасен их бег,
Твой стон не разбудит
Умерших вовек;

Лоррен Клод. Морской порт

Но ты утешение мне назови,
Скажи, чем помочь от несчастной любви,
И я помогу благосклонно.
«Пусть слёзы бессильны,
Напрасен их бег,
Пусть стон не разбудит
Умерших вовек!
Но знай, богоматерь, и всем объяви,
Что слаще всего при погибшей любви
Любовные муки и стонь».

Перевод Николая Чуковского

Антон Графф.
Фридрих Шиллер

Джон ДОНН

(1572–1631)

Ворожба над портретом

Что вижу я! В твоих глазах
Мой лик, объятый пламенем, сгорает;
А ниже, на щеке, в твоих слезах
Другой мой образ утопает.
Неужто цель твоя –
Сгубить портрет мой, о ворожея,
Чтобы за ним вослед погиб и я?

Дай вышить влагу этих слёз,
Чтоб страх зловещий душу не тревожил.
Вот так! Я горечь их с собой унес
И все портреты уничтожил.
Все, кроме одного:
Ты в сердце сберегла его,
Но это – чудо, а не колдовство.

Портрет Джона Донна.
Неизвестный художник

Так много перемен за двадцать лет
И в сфере звёзд, и в облике планет.
На атомы вселенная крошится,
Все связи рвутся, всё в куски дробится,
Основы распатались, и сейчас
Всё стало относительно для нас.

«Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если волной снесёт в море береговой Утёс, меньше станет Европа, и так же, если смочет край мыса или разрушит Замок твой или друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе».

Из проповеди «Обращения к Господу
в час нужды и бедствий»

Призрак

Когда убьешь меня своим презреньем,
Спеша с другим предаться наслажденьям,
О мнимая весталка! – трепещи:
Я к ложу твоему явлюсь в ночи
Ужасным гробовым виденьем,
И вспыхнет, замигав, огонь свечи;
Напрасно станешь тормозить в испуге
Любовника; он, игрищами сыт,
От резвой отодвинется подруги
И громко захрапит;
И задрожит ты, брошенная всеми,
Испариной покрывшись ледяной,
И призрак над тобой
Произнесёт... Но нет, ещё не время!
Погибшая не воскресима страсть,
Так лучше мщением упиться властью,
Чем, устранив, от зла тебя заклясть.

Переводы Григория Кружкова

Жан-Антуан Ватто.

Затруднительное предложение

Роберт БЁРНС

(1759–1796)

В горах моё сердце

В горах моё сердце... Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах моё сердце, а сам я внизу.

Прощай, моя родина! Север, прощай, –
Отечество славы и доблести край.
По белому свету судьбою гоним,
Навеки останусь я сыном твоим!

Прощайте, вершины под кровлей снегов,
Прощайте, долины и скаты лугов,
Прощайте, поникшие в бездну леса,
Прощайте, потоков лесных голоса.

В горах моё сердце... Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах моё сердце, а сам я внизу!

Поцелуй

Влажная печать признаний,
Обещанье тайных нег –
Поцелуй, подснежник ранний,
Свежий, чистый, точно снег.
Молчаливая уступка,
Страсти детская игра,
Дружба голубя с голубкой,
Счастья первая пора.
Радость в грустном расставанье
И вопрос: когда ж опять?..
Где слова, чтобы названье
Этим чувствам отыскать?

Александр Несмит.
Портрет Р. Бёрнса

Пробираясь до калитки
Полям вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьёт девчонку дрожь:
Замочила все юбчонки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмёшь?

И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

Переводы Самуила Маршака

Томас Фаед. Бёрнс и Хайленд Мэри

Григорий СКОВОРОДА

(1722–1794)

Песнь 19-я

Ой ты, птичко жолтобоко,
Не клади гнезда высоко!
Клади на зелёной травке,
На молоденькой муравке.
От ястреб над головою
Висит, хочет ухватить,
Вашею живёт он кровью,
От, от! кохти он острит!
Стоит явор над горою,
Всё кивает головою.
Буйны ветры повевают,
Руки явору ломают.
А вербочки шумят низко,
Волокут мене до сна.
Тут течёт поточок близко;
Видно воду аж до дна.
На что ж мне замышляти,
Что в селе родила мати?
Нехай у тех мозок рвётся,
Кто высоко в гору дмётся,
А я буду себе тихо
Коротати милый век.
Так минет мене всё лихо,
Щастлив буду человек.

Григорий Сковорода.
Неизвестный художник

Гавриил ДЕРЖАВИН

(1743–1816)

Река времён в своём стремленьи...

Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.

Памятник

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов твёрже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полёт его не сокрушит.
Так! – весь я не умру; но часть меня большая.
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастёт моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.
Слух пройдет обо мне от Белых вод до Чёрных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льёт Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчётных,
Как из безвестности я тем известен стал,
Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.
О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринуждённою рукой, неторопливой,
Чело твоё зарёй бессмертия венчай.

В. Боровиковский.
Портрет Г. Р. Державина

Бухар ЖЫРАУ

(1668–1781)

Ты моим словам вникай,
Ей, Абылай, Абылай,
Совсем юным я тебя
Встретил в прошлые года.
В Туркестане ты ходил,
У царя Абыльмамбета.
Денно и ночью ты служил,
Выживал тогда как мог:
Пас верблюдов Толе би,
Был рабом у знатных ног.
Когда достиг лет двадцати,
Белым соколом ты был.
Золотой трон ты отлил,
Пришёл Кыдыр* к тебе тогда,
Птицу счастья ты поймал,
Усладу ждал издалека,
У счастья дома ночевал.
О камень саблю ты точил,
Много ты врагов сломил,
Ненасытным был всегда,
В чужих краях судьбу ловил.
Ей, Канжигалы Богембай,
Прошлое не забывай:
Ночами рыскал по степи,
Угоняя табуны,
А до Кабанбая ты своё
Испытал ли где копьё?!
Ей, Абылай, Абылай,
У Момынов ты свой бек,
Но раб ты – предков ты не знал,
Если спросишь, кто твой дед,
Ты чужак, твой клич «Архар».
В каком колене ты торе?
В Карсе, а потом в Кузар
Был торговцем босоногим,
Бязью ты там торговал.
Про свою мать ты спроси,
Она из знатной ли семьи?
Об этом тоже знаю я,
Беглянкою в роду туркеш
Она рабынею была.
Да, взошла твоя звезда,
За тобой пошла толпа,
Родов десять из Алаш
Внемлют все твоим словам,
Подчинив и разделив,
Их владыкой стал ты сам.
Покрыты славою твои дни,
Но спорный голос твой бедлам
Рождает всюду в эти дни.
Когда владыка ты страны,
В кочевку не вмещаются
Спасенные тобой рабы.

* Кыдыр – пророк Хызыр,
даритель счастья, удач.

Портрет Бухара жырау

Не сердись же, Абылай,
Если же рассердишься,
Взвесив всё и сверившись,
Подчинюсь, пойму, ты знай,
Стреножь обиду ты свою,
Желчь не лей ты на судьбу,
С русскими вступив в войну,
Народу многострадальному
Подаришь жуткую вражду.
Мне уж девяносто три,
И советника, как я,
Не найдёшь, и не ищи.

Перевод

Масгута Нурмагамбетова

Портрет Абылай хана

七編

芭蕉之像

Хокусай. Портрет Мацуо Басё

Мацуо БАСЁ

(1644–1694)

сакура расцвела!
от безделья священник
заигрывает с супругой

уснул под сакурой...
гулким стал
как тыква-горлянка

а о китайской поэзии
я побеседую
с бабочкой!

дарю тебе веер –
дарю тебе ветер
со склона Фудзи!

ни минуты покоя!
изгваздались до локтей
ловцы улиток

откуда в Киото
тоска по Киото –
кукушка, скажи!

уже весна
а у меня в значке
один прошлогодний рис

вместе с Буддой
возьми и родись
оленёнок!

роза в каплях росы
лопаются от зависти
анютины глазки

некуда спешить!
в тени моей шляпы
прохлада

вниз по ручью
на листе кленовом
спи-спи, цикада!

как тихо...
звон цикады пронзает
скалу

в богатом предместье...
не пойму, что здесь выше –
луна или цены?

безлунная ночь
лис по-пластунски
подбирается к дыне

первая дыня!
как её надо резать –
поперёк или вдоль?

Храм Сумадэра.
Слышу, флейта играет сама собой
В темной гуще деревьев.

Перевод Веры Марковой

Тёбунсай (Хосода) Эйси. Принцеса Ян